 «СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ» МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА: МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС.

Возрождение России в качестве мировой державы, безусловно, является важным геополитическим фактором XXI века. Россия открыто претендует на лидерство в борьбе с мировым злом, смело и ответственно выступает против глобальных вызовов современности. Между тем, статус великой державы в XXI веке предполагает более широкие горизонты влияния, не ограничиваясь традиционными сферами, такими как политика, экономика, информационное пространство. Фронт взаимного лоббирования интересов пронизывает сегодня всё культурно-цивилизационное пространство, затрагивая порой острые и болезненные вопросы истории культуры и религии. Как и раньше, на крутом переломе эпох, мы обращаемся к своему прошлому, в глубине веков ищем ответы на многие вопросы современности. Нам небезразлично, к какому народу мы принадлежим: покорных рабов или мужественных защитников Родины? Являемся ли мы частичкой уникальной культуры, обогатившей мир высокими духовно-нравственными ценностями? Или же мы – лишь вечные аутсайдеры, веками плетущиеся в хвосте мировой цивилизации? Актуальность национально-культурной самоидентификации заставляет нас пристальнее вглядываться в русское общество прошлых эпох: в его обычаи и традиции, взгляды и представления, нравственные ценности и поведенческие мотивы. Возможно, представленные ниже рассуждения автора о роли и месте «служилых людей» в истории Московского государства XVI XVII вв. ещё раз заставят читателя задуматься о тернистом пути России к её величию и процветанию.

В целом, русское общество рассматриваемой эпохи развивалось в русле общеевропейских социальных тенденций. Его характерными чертами были жесткая вертикальная иерархия, достаточно сложная градация, с одной стороны, и относительная аморфность и размытость границ между сословными группами, – с другой. Несущими конструктами разветвлённой социальной структуры оставались две основные части: податные и «служилые» сословия. Последнее имело свою внутреннюю разветвлённую градацию и развивалось под влиянием сословных традиций и функциональной необходимости. В свою очередь, «служилое»

сословие делилось на «служилых людей» «по отечеству», элитарную родовую прослойку, и – «по прибору», широкие слои «служилого люда», по социальному положению примыкавшие к податным сословиям. «Служилые люди по отечеству» формировали отборные части поместной конницы, «по прибору» – комплектовали самые различные части московского войска: поместные городовые сотни, стрелецкие приказы, казачьи станицы, пушкарский наряд (пушкари, затинщики, воротники, кузнецы и т.д). Позднее они влились в войска «иноземного строя», формируя как рядовой, так и командный состав солдатских, рейтарских, копейных полков.

Основная функциональная роль «служилых людей» заключалась в службе центральной власти, персонифицированной на разных этапах в Великом князе, Царе-самодержце или в Московском государстве. И, конечно же, их ипостасью являлось ратное дело.

В качестве военной силы «служилые люди» вызывают неоднозначные и противоречивые оценки в отечественной историографии. С одной стороны, вобрав в себя лучшие традиции княжеских дружин и ратных ополчений, в течение двух веков они составляли основу вооружённых сил Московского государства, передав затем эстафетную палочку регулярной армии Петра I. На своих плечах «служилое» сословие вынесло все военные тяготы той эпохи. В их послужном списке есть и славные победы, и горькие поражения. Они стойко отбивали бесконечные набеги казанских, крымских, ногайских орд, вели войны с поляками, Литвою, шведами. Они покоряли Казань, Ливонию, освобождали Левобережную Украину, отстаивали суверенитет и целостность страны в смутах «бунташной» эпохи.

С другой стороны, о русском «служилом» сословии осталось немало нелицеприятных свидетельств как иноземных, так и русских очевидцев. Причём, в едином хоре «хулителей» сливаются голоса и откровенных недоброжелателей и горячих сторонников России, русских чиновников и иностранных послов, пламенных патриотов и беспристрастных иноземных спецов. Всё это не оставляет сомнений, что критика близка к объективности.

Претензии касались низкой боеспособности, слабых навыков владения оружием, слабой воинской дисциплины, массовых уклонений от службы и, что самое важное, низкого морально-боевого духа. Все эти недостатки проявлялись в ходе столкновений русских полков с войсками соседних

государств. Сравнение европейского солдата удачи и отечественного «служилого люда» было явно не в пользу последних.

Так, Николай Витсен поражался, «как русские воины обращаются с ружьём: один уронил его, пока стрелял, дугой не знал, как его зарядить, третий, стеля, отвернул голову назад и т.д.»[1]. Западноевропейцы полагали, что московиты способны гораздо лучше держаться за оградою стен, чем в открытом поле[2]. А вот авторитетные свидетельства приказного дьяка Г.Котошихина про боеспособность поместного войска: «А ученья у них к бою … не бывает,…а строю они никакого не знают…»[3].

Слова явного недруга Московии Г.Корба звучат просто оскорбительно: «…войска московских царей страшны только для татар…, если бы в московских войсках мужество, храбрость и знание военного искусства были соразмерны их численности, силе физической и способности переносить труды, то они были бы опасны соседям»[4].

Но с откровенным русофобом Корбом солидарен горячий патриот Иван Посошков: «У пехоты ружье было плохо, и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов по три по четыре и больше на одну неприятельскую голову. А если на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно, в начале у них клячи худые, сабли тупые, сами нужны и безодежны, и ружьем владеть никаким неумелые, …иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то что ему стрелить по цели хорошенько…»[5]. Не скрывает своего раздражения и сам Пётр: «…воистину только пакостники, а не воины были»[6], «…не точию с регулярными народы, но и с варварами (не без стыда),… ни против кого стоять могли»[7].

Упреки звучат не только из 2-ой половины XVII века, когда превосходство европейской военной организации после

---

[1] Витсен Н. Путешествие в Московию 1664-1665. Дневник. СПб., 1996. С.194.

[2] Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С.293

[3] Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича / http://www.bibliotekar.ru/rus/92-9.htm (обращение 23.08.2016)

[4] Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: типография Суворина. 1906. – 322 стр. С.207.

[5] Посошков И.Т. О ратном поведении // Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С.268.

[6] Письма и бумаги Петра Великого. Т.I. С.381.

[7] Акты о высших государственных установлениях. М., 1945. С.51-52.

целой череды преобразований становилось очевидным и неоспоримым. В XVI веке русское войско не отличалось высоким боевым духом. Именно на это обращает внимание Ивана Грозного И. Пересветов. Дворяне «…пребывают на службу…в нарядах, на конях и с людьми, но за веру христианскую некрепко стоят и без отваги с врагом смертную игру ведут, так что Богу лгут и государю.»[1].

Пожалуй, самой негативной чертой «служилого люда» стало массовое уклонение от службы или «нетство». Исторические источники XVI – начала XVII вв. свидетельствуют о массовом бегстве с театра военных действий, оставлении мест службы, о неявке в указанный срок помещиками, солдатами, стрельцами, рейтарами и др. «служилыми людьми»[2].

Во многом под влиянием этих критических взглядов сформировалась одиозная оценка допетровских «служилых людей» в отечественной военно-исторической историографии[3].

С малодушием и «уклонизмом» русского служилого люда контрастирует высокий воинский настрой европейского дворянства. Его воинственность, честолюбие и гордость, особенно в рассматриваемое время, приобретало обострённые, порой даже гипертрофированные формы. Доблесть и стремление проявить себя в бою произрастали на почве благородства, жажды чести, славы, общественного признания. Демонстративно ревностное отношение к чести и достоинству, вместе с тем, уравновешивалось строгостью по

---

[1] Сочинение Ивана Семёновича Пересветова. Большая челобитная. Памятники литературы Древней Руси Конец XV – первая половина XVI веков. – М.: Худ. лит. 1984. С.607, 608.

[2] Архив Московского государства, под ред. Попова Н. А. Самоквасова Д. Я. . – СПб. Т.I. №399, 413, 504, 531, 543; Т.II. №443, 459, 606, 911, 927, 933, 939; Т.III. № 61. № 107.

[3] См. Беляев И. Русские войска в царствование Михаила Федоровича, после его до преобразований, сделанных Петром Великим. М.: Типография университета. 1846; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб. 1866. Т.I – IV; Масловский Д. Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. 1890. №9; Гудима–Левкович П.К. Историческое развитие ВС в России до 1706 года. СПб.: Тип. Демакова. 1875. 240 стр.; Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. СПб.: тип. В.С.Балашова. Пузыревский Развитие постоянных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. Епифанов П.П. Очерки из истории армии и военного дела в России (2-ая половина XVII – I-ая четверть XVIII вв.) – М., 1969.

отношению к договорным обязательствам, дисциплинированностью и осознанием своего долга.

Это превосходство европейских наемных солдат вынуждены были признать и сами московские власти. Со времён Василия III иноземные наёмные дружины становятся неотъемлемой частью московского войска. Хотя их услуги и стоили недёшево, правительство охотно приглашало их на службу, не полагаясь на многочисленные, но ненадёжные против врага толпы природных «служилых людей».

Этот морально-психологический контраст интересен и для специалиста исследователя, и для любого неравнодушного к нашему прошлому, так как речь идёт о коннотации нашей культурной самобытности, истоков национального самосознания, русского психологического архетипа.

Ментальная дихотомия феодальных сословий, безусловно, является отражением культурно-цивилизационного разрыва Востока и Запада, достигшего своего апогея в XVI–XVII веках. Противоположные, порой враждебные друг другу ойкумены формировали разные нравственно-поведенческие коды, военно-этические кодексы, культурно-психологические типы воина. В них, прежде всего, и нужно искать различие в коннотации таких сословно-нравственных ценностей, как вассальный долг, дворянская честь и др. «Леность», «огурство», «нетство» «служивого» русского дворянства не сводится к банальному малодушию или стремлению уклониться от невзгод ратной службы. Истинные поведенческие мотивы веками формировались в недрах сословной психологии. Они обусловлены пассивностью, холопской покорностью, групповым абсентеизмом, составляющими устойчивый архетип русского человека. Весь образ жизни русского «служилого человека» формировал в нём апатичное отношение к ратной или государственной службе. Социальная активность, желание проявить себя, здоровый карьеризм, энергичность были чужды его природе.

Особенно разителен мотивационный контраст между русским и европейским военными по отношению к войне и миру. Окончание войны между Швецией и Польшей в 1660 году повлекло массовое сокращение армий. Толпы уволенных солдат рыскали из края в край Европы в поисках работы. Патрик Гордон, приглашённый на имперскую службу, берётся набрать полк из состава уволенных из шведской и брандербургской армий солдат, не сомневаясь, «что в

желающих послужить недостатка не будет»[1]. Не менее интересны воспоминания ветерана войн эпохи Людовика XIV, Де ла Колони. Он свидетельствовал, как после войны 1688–1697 гг. сокращение армии для многих означало настоящую трагедию, т.к. просто лишало их средств к существованию. Французские военные толпами устремлялись на службу к вчерашним противникам, в имперскую и бранденбургскую армии, продолжавшие воевать с Турцией[2].

Русским «служилым людям» трудности и лишения несла война, но не мир. Помещик с нетерпением ждал окончания похода, чтоб окунуться, наконец, в привычную жизнь, жизнь земледельца, хлебороба. В первую очередь, он оставался им, «…хлопоча больше о хлебе насущном, о домашнем хозяйстве, о прокормлении себя и семейства, чем о военной службе; карабин и сабля спокойно по целым месяцам висели на стене, покрываясь ржавчиной, а воин-помещик возился с сохой, молол муку или ездил по ярмаркам и торговал, чем мог»[3]. Карьера, слава, признание были для него понятиями эфемерными, а потому, малозначимыми, в то время как родовое поместье, хозяйство, крестьяне составляли смысл его существования. Если для европейского дворянства война означала карьерный рост, общественное признание и материальный достаток, то нашему «служилому люду» она несла разорение, прозябание и нищету. Если московское «служилое» сословие относилось к службе, как к обузе, то европейский солдат видел в ней смысл своего существования.

Ментально-культурное различие московского и европейского дворянства лежало и в традиционно-правовой плоскости. Исследователь Х. Скотт считает, что для российского дворянства пагубную роль играл традиционный порядок наследования, заключавшийся в разделе имущества, как движимого, так и недвижимого, между всеми наследниками[4]. В отличие от России в большинстве стран Западной Европы действовал майорат, т.е. передача дворянского титула всего движимого имущества только одному наследнику. Это, с одной стороны, сохраняло сильные, влиятельные аристократические фамилии. С другой стороны, лишённые наследственного имущества дворяне вынуждены были зарабатывать на жизнь на военной или

---

[1] Патрик Гордон. Дневник 1659-1667. – М., Наука. 2003. Т.2. С.95.

[2] The Chronicles of an old Compaigner M. De la Colonie 1692-1717. London. 1904. P. 52-53, 81.

[3] Устрялов Н. История Петра Великого. СПб., 1866. Т.I. С.187.

[4] Scott H.M. ed. The Evropean Nobilityes in Seventeenth and Eighteenth Centuries. Longman Group Limited. 1995. V.II. P.2.

государственной службе. Московский порядок пожизненно обеспечивал «служилого человека» поместьем ли, вотчиной, превращая его в землевладельца. Фактически этот порядок развращал и демотивировал ратного человека. Пагубность этого обычая для государства осознавалась многими. Уже упоминавшийся выше И. Пересветов видит причину слабости армии в ленности и сытости вельмож, источник которых в их богатстве: «Богачи ничуть не почитают воинские таланты… Воина содержать, что сокола кормить»[1]. На государственную пользу майората указывал Петру Великому Н.Салтыков, сторонник европеизации, в силу многолетней дипломатической службы близко знакомый с европейским наследственным правом[2]. Впрочем, Петр и сам понимал это, и майорат был учрежден в России указом от 23 марта 1714 года. С присущей императору жёсткостью и бескомпромиссностью в нём формулировались его намерения в отношении дворянства – чтобы лишённые недвижимости наследники не были «…праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим»[3]. В этом виделась прямая угроза дворянскому благополучию. Рушился вековой уклад, урезались привилегии, а главное – дворянство вынуждали служить. Ни родовую аристократию, ни мелкий «служилый люд» такая перспектива не устраивала, и сразу после смерти императора они повели активную борьбу против нововведения. Впрочем, и сам указ оказался сырым и нежизнеспособным. Кроме всего прочего он противоречил и укоренившимся обычаям, и правовым нормам, и землеустроительной практике. В общем, он был отменен уже в 1730.

Отсутствие воинственности у русского воина отмечался многими современниками. Так Дж.Флетчер, английский посол при дворе Ивана Грозного пишет: «Если бы русский солдат с такой же твёрдостью духа исполнял те или иные предписания, с какой он переносит нужду и труд, или столько же был бы способен к войне и умел сколь равнодушен к своему помещению и пище, то далеко превзошёл бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им и в храбрости и в самом исполнении военных обязанностей…»[4].

---

[1] Посошков И. Указ.соч. С.609.

[2] Очерки истории СССР. XVIII век. Кафенгауз Б.Б., Павленко Н.И. под ред. – М.: Издательство АН СССР. 1954. С.635.

[3] ПСЗ. Т.V. №2789. С.91-94.

[4] Проезжая по Московии. Под ред. Рогожина Н.М. –М., Международные отношения. 1991. С.83.

Ему вторит немецкий посланник Вебер: «…Слава, честь, бескорыстие кажутся им химерою; они не могут вообразить себе никаких предметов духовных и ограничиваются теми, которые доступны чувствам…»[1].

Надо отметить, что в этом иноземцы не открыли русским глаза на их недостатки. Ещё в середине XVI века Иван Пересветов сетовал на православное воинство: «Что из того, что их много, раз нет у них верного сердца, а смерти боятся и умирать не хотят»[2]. Век спустя о том же пишет царь Алексей Михайлович. В поход на Польшу 1654 года, как видно из его письма князю Трубецкому, войско выступало с тягостным настроением: «едут с нами отнюдь не с единодушием, наипаче двоедушием, как есть облака: иногда благопотребным воздухом и благонадёжным и уповательным явятся; иногда зноем отчаянным и яростью и ненастьем всяким злохитростным и обычаем московским явятся; иногда злым отчаянием и погибель прорицают; иногда тихостью и бледностью лица своего отходят лукавым сердцем…»[3].

Низкий морально-боевой дух армии не мог не заботить московские власти. Да иначе и быть не могло в век, когда войны шли бесконечной чередой. В Восточной Европе редкий год обходились без войн, а уж России эту горькую чашу пришлось испить сполна. Парадокс в том, что формирующаяся в окружении агрессивных соседей русская культурная среда отторгала воинственность и культивировала отвращение к войне. В русской культуре, круто замешанной на образцах самоотверженности, мужества, долготерпения, на примерах героической борьбы за веру и правду, национальную независимость и государственную целостность, так и не был создан этос, в котором православно-нравственные добродетели гармонировали бы с военно-профессиональным кодексом. Наоборот, между ними обнаруживались глубокие противоречия. Европейские, рыцарские – по своей природе, военно-ментальные ценности отторгались самой сутью православной культуры и народными обычаями. Это констатировали наблюдательные иностранцы, Беспристрастный П. Гордон прямо указывает на «отсутствие склонности к войне у большинства ваших людей, особенно у

---

[1] Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера \\ Русский архив. – М., 1872. № 6. С. 1076-1078.

[2] Сочинение Ивана Семёновича Пересветова. Большая челобитная. Памятники литературы Древней Руси Конец XV – первая половина XVI веков. – М.: Худ. лит. 1984. С.607.

[3] Пресняков А.Е. Российский самодержцы – М.: Книга, 1990. С.81.

грандов и советников»[4]. Высокомерный к русским, хотя и не лишённый проницательности, Вебер более резок, отмечая «природное отвращение русского простонародья к войне …»[2].

Большой интерес для анализа ментальной самобытности представляет собой исследование С.Э. Зверева, посвящённое военной риторике средневековья[3]. В нём автор тщательно исследует морально-психологическую мотивацию разных культур и народов, воодушевлявшую воинов на ратный подвиг. Автор предлагает свой взгляд на нравственно-боевые особенности и ценностную иерархию воинов Запада и Востока эпохи средневековья. Он констатирует, что в западноевропейской военно-духовной традиции эпохи крестовых походов безраздельно доминировал героический рыцарский этос. В позднее средневековье он был несколько завуалирован иными политико-нравственными смыслами и формами. Так, обострение религиозно-национальных или династических мотивов влекло за собой актуализацию соответствующих ментальных форм воздействия на воинов. Тем не менее, при всех конъюнктурах рыцарская культура оставалась индивидуально-личностной основой военно-профессиональной этики. В ней культивировались такие ценности, как верность суверену, присяге, контракту, ревностное отношение к родовой чести, личной свободе, жажда славы, признания, презрение к опасности и смерти, великодушие и милосердие, щедрость и т.д.

Русская богатырская этика домонгольского периода имела все сущностные признаки – европейской рыцарско-героической. Последовавшее затем религиозное размежевание, постепенно переросшее во враждебность, предопределило углубляющийся культурно-цивилизационный разлом. Более того, постигшая Русь в связи с Батыевым нашествием культурная и политическая катастрофа, и последующий более чем двухвековой застой окончательно усугубили центробежные культурные тенденции. Это в полной мере касалось и морально-боевой компоненты народной культуры. В военной риторике акценты постепенно смещаются с героических тонов на самопожертвование, househстрастотерпкость, готовность пострадать за веру.

Восточное подданичество на Руси окончательно оформилось в виде холопско-крепостнической системы. В

[1] Патрик Гордон Дневник 1684-1689 гг. – М.: Наука. 2009. С.7.
[2] Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера \\ Русский архив. – М., 1872. № 6. С.1115.
[3] См. Зверев С.Э. Военная риторика средневековья. – СПб.: Алетейя. 2011.

гнетущей атмосфере политической деспотии и социального подавления героическое наследство богатырской Руси окончательно вытиснилось смиренностью, кротостью, терпением, а так же их уродливыми проявлениями, холопской покорностью, самоунижением, пресмыкательством. Конечно же, такие качества, как выносливость, стойкость, терпеливость, самопожертвование, неприхотливость, коллективизм и сплочённость становились сильной чертой русского воина. И всё же этих качеств, воплощавших выжидательный пассивно-оборонительный дух русского воинства, было недостаточно. Недоставало активного духовного компонента. Инициативность, энергичность, самолюбие, стремление добиться результата и здоровый карьеризм – эти качества были вытравлены всем ходом предшествующей культурной эволюции. Жизненное кредо русского «служилого люда» метко прокомментировал И.Посошков: «А то я у многих дворян слыхал: Дай-де Бог Великому государю служить, а сабель из ножен не вынимать»[1].

Организуя оборону государства, властям оставалось полагаться на испытанный административно-властный ресурс. На протяжении всего исторического этапа Москва беспощадно боролась с дворянским «уклонизмом». Правительство грозило «нетчикам» то «жестоким наказанием и разорением», то конфискацией их поместий и вотчин, то тюрьмою и отдачей всего имущества доносителю[2]. Пётр Великий, пожалуй, первым попытался разнообразить драконовские меры – воспитанием. Он грозно и категорично внушал русскому «служилому» дворянству европейское понятие благородства, высокие представления о чести и долге. Но призывы и требования императора находили слабый отклик в инертном сознании «служилых людей». Идеи благородства, чести и гордости не только противоречили традиционной ментальности, но и с трудом соответствовали насаждавшемуся деспотическому режиму власти, грубости нравов, атмосфере страха, нетерпимости и принуждения. Для воспитания благородного сословия нужны были иные настроения, соответствующая культурная и общественная парадигма, наконец, нужны были десятилетия терпеливой целеустремленной социальной политики. Всё это

---

[1] Посошков И.Т. О ратном поведении // Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С.268.
[2] ПСЗ. Т.IV. №2111. С.352; №2337. С.648; №2466. С.776. Т.V №2625. С.3; №2663. С.22-23: №2685. С.35-36; №2845. С.125; №2988. С.195.

стало реальностью для последующих поколений дворянства. Новая эпоха многое изменила в русском обществе. Оно, наконец, приобрело отчётливые социальные грани и завершённые феодально-формационные параметры. Из аморфного «служилого люда» оформилось российское дворянство, с соответствующим классовым менталитетом, сословными ценностями и представлениями. Ему было суждено вписать в историю России немало образцов верного служения Отечеству, доблести, славы, самоотверженности. Оно оставило потомкам примеры беззаветно исполненного воинского долга, нетленных памятников культуры и искусства, дальновидного политического курса и т.д.

Вместе с тем, оно так и не стало точной калькой с европейского благородного дворянства. Отчасти восприняв навеянное европейской культурой личностное самоуважение, упорядочив по-европейски помещичью жизнь, придав петербургскому быту большую оформленность и регламентацию, оно не отреклось от традиционных представлений и понятий. Симбиоз старого и нового, возможно, так и не трансформировался в новое духовное качество. Рядом с осознанием воинского долга, необходимостью защиты Отечества, почётным отношением к военной службе всегда тлел незатухающий огонёк природного абсентеизма, невоинственности, пассивного неприятия героического пафоса и отвержения всего, что связано с войной. На протяжение последующих эпох эта противоречивость ментальности будет характерной чертой российского дворянства. Оно отметится в истории чудесами храбрости и верности долгу, что, однако, не помешает ему тяготиться государственной службой. Оно будет настойчиво выступать против её обязательности, торжествовать по поводу свобод, дарованных Екатериной Великой, роптать и фрондировать против «пруссачества» Павла I, бунтовать против аракчеевщины, в виде протеста уходить в мир поэтических грёз и философических исканий. Государственный абсентеизм, служебная пассивность, невоинственность – досадные оттенки славной истории российского дворянства, становятся устойчивым признаком русского исторического архетипа, чертой самобытной ментальности и важной характеристикой отечественной культурной традиции.